

УДК 130.2

Т. Э. Рагозина

(к.филос.наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, ДНР)

E-mail: tatyana.ragozina@list.ru

ФОРМА ПРЕВРАЩЁННАЯ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ ДИАЛЕКТИКИ

150-летию «Капитала» К. Маркса
посвящается

Аннотация. В статье предпринимается попытка выявления аутентичной Марксовой трактовки категории формы превращённой. Формы превращённые обосновываются как общественно-значимые, всеобщие формы, в которых осуществляется историческая деятельность людей. Это позволяет поставить решение эпистемологического вопроса о возможности истинного знания истории в прямую зависимость от решения фундаментального онтологического вопроса о том, как вообще возможно развитие в форме человеческой истории. В связи с этим, даётся сравнительный анализ существующих подходов к решению проблемы формы превращённой, а также ретроспективный анализ её «родословной» в истории философской мысли.

Ключевые слова: история, развитие, субстанция, форма превращённая-форма исходная, формы мышления – формы бытия, иллюзии, заблуждения.

У Михаила Лифшица среди многих замечательных работ есть одна совершенно удивительная по глубине развиваемых в ней идей работа. Называется она «Человек тридцатых годов». Её первый раздел, имеющий подзаголовок «Non Finito», затрагивая тему *незавершённого в науке*, содержит следующее высказывание: «Пусть сложны и скрыты от нас в данный момент расчёты исторической жизни, её стихийный, не слишком надёжный разум, но то, что содержит в себе истинное зерно, не пропадёт. Из семени вырастет дерево. Как существует закон сохранения вещества, так есть и закон сохранения мысли. В этом заложено некоторое утешение для всякой идеи, не получившей немедленного и полного осуществления» [1, с. 192].

К числу таких идей¹⁹, не получивших своего немедленного и полного осуществления, относится категория *формы превращённой*, философское понятие которой должно быть сегодня восстановлено на основе характеристик, полученных ею в рамках осуществлённого Марксом экономического исследования. Оно должно быть восстановлено в силу той особой роли, которую играет категория *формы превращённой*, являясь важнейшим методологическим инструментом, обеспечивающим научно-теоретическое понимание истории человеческого общества. Причём, в данном случае задачу «восстановления» понятийного содержания категории формы превращённой как нельзя более уместно будет понимать в значении, обрисо-

¹⁹ Следует отметить, что к числу *незавершённого в науке* могут относиться не только отдельные идеи, но и целые мировоззренческие системы, осуществление которых во всей их полноте оказывается задачей не одного поколения мыслителей, задачей, определяющей теоретическую перспективу движения научного мышления на многие годы вперёд.

ванном М. Лифшицем: «Не от бедности мысли, но от богатства её подлежат «восстановлению» идеи значительных мыслителей прошлого...» [1, с. 199].

Какое же «богатство мысли» содержит в себе категория «форма превращённая», каково её предметное содержание и методологическая роль? Что побудило К. Маркса ввести в научный оборот категорию *формы превращённой*, которая сегодня оказалась незаслуженно забытой вместе с марксизмом? Была ли категория *формы превращённой* каким-либо образом укоренена в истории философской мысли до Маркса или она – специфическое порождение марксизма? Каков вообще круг проблем, который может быть решён с её помощью? Поиску ответов на данные вопросы посвящена предлагаемая статья.

Поскольку категория «форма превращённая» при всей недостаточности её разработки всё же успела получить в исследовательской литературе толкование, ставшее, в каком-то смысле, общепринятым, постольку имеет смысл обратиться к выяснению узловых моментов этого устоявшегося понимания. В частности, необходимо выяснить, на чём именно акцентируют своё внимание авторы, раскрывая предметное содержание категории *формы превращённой*, и чем они мотивируют необходимость введения данной категории Марксом.

Начиная с М. К. Мамардашвили, в литературе закрепились трактовка *формы превращённой* как формы исключительно *наличного бытия* сущности, методологическое значение которой определялось тем, что она позволяла «исследовать видимые зависимости и эффекты, выступающие на поверхности целого...». Будучи формой наличного бытия целого, *форма превращённая* есть «продукт превращения внутренних отношений сложной системы..., скрывающего их фактический характер и прямую взаимосвязь косвенными выражениями. Эти последние, являясь продуктом... превращённости действия связей системы, в то же время самостоятельно бытийствуют в ней в виде отдельного, качественно цельного явления, «предмета» наряду с другими. В этой «бытийственности», - считает автор, - и состоит проблема формы превращённой, которая... представляется... как «субстанция» наблюдаемых свойств» [2, с. 386; 3, с. 246]. Это обстоятельство – *бытийственность* и *квазисубстанциальность* – обуславливает *иррациональный характер* форм превращённых, «когда вещь наделяется свойствами общественных отношений и эти свойства выступают вне связи с человеческой деятельностью, т. е. вполне натуралистически» [2, с. 386].

Кроме того, особенность формы превращённой, отличающая её от классического отношения формы и содержания, считает М. Мамардашвили, состоит в «объективной устранённости здесь содержательных определений: форма проявления получает здесь самостоятельное «сущностное» значение, обособляется, и содержание заменяется в явлении иным отношением, которое сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы», в силу чего «прямое отображение содержания в форме здесь исключается» [2, с. 387; 3, с. 247]. Завершая характеристику специфических свойств формы превращённой, Мамардашвили делает следующее обобщающее заключение: «Спецификой формы превращённой является не столько действительно... существующее извращение, сколько её особая, объективно «сущностная» роль, на этом извращении основанная...» [2, с. 387]. В более поздней версии эта мысль получит ещё более определённое звучание, а именно: «Спецификой превращённой формы является действительно (а не в сознании

наблюдателя) существующее извращение содержания или такая его переработка, что оно становится неузнаваемым прямо» [3, с. 247-248].

Именно эта, односторонняя и весьма поверхностная трактовка формы превращённой, оставлявшая в стороне её основные сущностные характеристики и сводившая всё богатство её действительного содержания к одному из *второстепенных её свойств*, получив обобщённое выражение в одноимённой статье М. Мамардашвили (1970 г.), становится в итоге общепринятой точкой зрения, приобретшей в последующей литературе прочность предрассудка. С лёгкой руки автора, это свойство формы превращённой (повторяем, отнюдь не самое главное и существенное, но, вместе с тем, позволявшее *эффектно* преподнести проблему философской общечеловечности) становится своего рода её «визитной карточкой»: *быть формой превращённой* отныне стало означать быть *всенепременно формой извращённой, превратной формой превратного мира*, быть «квазипредметом», «мнимым предметом» и, уж совсем интригуяюще, быть «предметом-фантомом» – не иначе ²⁰.

Эта укоренившаяся в исследовательской литературе трактовка категории формы превращённой, когда её содержание оказалось редуцировано исключительно к плоскости, самым Марксом уничижительно и без всякого налёта загадочности охарактеризованной как «особого рода фикция без фантазии» [5, с. 471], со временем всё больше стала напоминать ситуацию, сложившуюся на заре эпохи Возрождения и связанную с интерпретацией философского наследия Аристотеля средневековыми схоластами, которую Э. Кассирер (вслед за первым переводчиком аристотелевской «Политики» и «Никомаховой этики» Леонардо Бруни) обрисовывает следующим образом: «...сам Аристотель не смог бы узнать свои книги после того превращения, которое они претерпели в схоластической философии – подобно охотнику Актеону, не узнавшему своими собаками после превращения в оленя» [6].

Нечто похожее произошло и с содержанием категории формы превращённой. Этим, отчасти, можно объяснить то состояние полной заброшенности и невосребованности, в котором вот уже скоро как 50 лет ²¹ пребывает одна из самых важных логических категорий научно-теоретического мышления.

Справедливости ради, всё же следует сказать, что подобные интерпретации взглядов Маркса на существо проблемы формы превращённой, конечно же, фиксируют отдельные её действительные черты и свойства хотя бы потому, что они содержат цитаты из «Теорий прибавочной стоимости» и уже в силу одного этого не могут не фиксировать некоторые из выявленных Марксом характеристик. При этом, однако, нельзя не видеть, что упомянутый выше подход, ограничивая предметное содержание формы превращённой сферой наличного бытия, сферой *данности*, рассматривая её к тому же исключительно как *искажение* и *извращение* действительных связей и отношений системы, неизбежно сужает, обедняет и выхолащивает её подлинную роль как в реальном процессе исторического развития, так и в процессе научно-теоретического познания. Поэтому совсем не случайно, что методологическая ценность данной категории сводилась в итоге преимущественно к

²⁰ С небольшими отличиями, приблизительно такой же логики понимания формы превращённой придерживался и Е. Я. Режабек, фактически ставя знак равенства между формой *превращённой* и формой *превратной, извращённой* и относя, вслед за Мамардашвили, данную категориальную определённую исключительно к феноменологическому уровню бытия органической системы [4, с. 4-20, 49-62, 21-35].

²¹ Имеется в виду временной интервал, отделяющий сегодняшнее положение вещей в марксистской философии от 1970 года, когда состоялась своего рода *презентация* категории формы превращённой широкой философской публике.

возможности объяснения разного рода превратных *форм сознания*, начиная с *фетишистских представлений*, складывающихся в головах рядовых агентов социально-исторического процесса, и заканчивая объективно складывающимися *иллюзиями и заблуждениями*, возникающими в головах теоретизирующих субъектов в связи с их попытками дать научное объяснение тем или иным социальным явлениям.

Куда более глубокое и тонкое понимание проблемы формы превращённой содержится в работе Г. В. Старк «Социологический анализ познавательного процесса в «Теориях прибавочной стоимости» Карла Маркса», по сей день остающейся непревзойдённым образцом анализа одного из самых сложных и значительных произведений Маркса. Вот как объясняет Г. В. Старк появление интересующей нас категории в научном инструментарии К. Маркса: эта категория нужна была Марксу в первую очередь и прежде всего для обоснования *стоимости как субстанции всех без исключения фактов экономической жизни* и только во вторую очередь – также и для преодоления вульгарных экономических концепций, занятых, как правило, переводом обыденных представлений на доктринёрский язык. Расстановка акцентов, прямо скажем, совершенно иная, чем у Мамардашвили. Как говорится, почувствуйте разницу.

Поскольку любая вульгарная школа вырастает как спекулятивная реакция на те реальные затруднения, противоречия и, в конечном итоге, заблуждения, которые были свойственны классике, постольку, конечно же, необходимо было *снять* эти заблуждения теории. «А здесь возможен только один путь – путь позитивной разработки теории и дальнейшего развития научного аппарата, ибо те принципы и категории, с которыми работали представители классической школы, оказались неэффективными» [7, с. 139]. Признаком неэффективности явилось то обстоятельство, ставшее к середине XIX века совершенно очевидным, что имеющиеся средства познания не давали возможности согласовать данные действительности и теоретический принцип, с помощью которого эти данные должны были описываться. Поэтому «...нужен был такой категориальный инструментарий, - пишет Старк, - на основе которого можно было бы разрешить противоречие «между видимым движением системы и её действительным движением». Так в теории Маркса появляется категория «форма превращённая», выступающая в качестве основного средства для обоснования понятия стоимости и снятия заблуждений» [7, с. 139].

«"Форма превращённая" – это такая форма, которая является эффектом игры другой, исходной по отношению к ней формы (деньги – превращённая форма стоимости, прибыль – превращённая форма прибавочной стоимости и т.д.). Причём, - подчёркивает Г. В. Старк - цепь этих превращений и опосредствований может продолжаться до бесконечности. Прибыль как превращённая форма прибавочной стоимости превращается в новые, более конкретные формы процента и ренты, процент с капитала превращается, в свою очередь, в «сложные проценты» и т. д. По отношению к каждой новой форме предшествующая оказывается её содержанием и внутренним единством, а каждая последующая – превращённой формой действительного существования предыдущей. Чем длиннее цикл, тем больше опосредствующих звеньев между исходной и превращённой формой, тем больше скрыты и нераспознаваемы следы самих этих опосредствований»²² [7, с. 139-140].

²² Иногда, по аналогии с *доказательством от противного*, бывает уместно и оправданно использовать *сравнение от противного*. Так, например, если перефразировать известную формулу средневековой вассальной зависимости, гласящую: «вассал моего вассала – не мой вассал», то зависимость между *формами превращёнными* можно будет выразить прямо противоположной формулой: «превращённая форма моей

Поэтому неудивительно, что извращение подлинной связи явлений, имеющее место в самой действительности, рождает и соответствующие иллюзии и заблуждения в головах представителей экономической науки. Марксу же удаётся решить эту задачу только благодаря тому, что он открывает в стоимости (точнее – в прибавочной стоимости) *субстанцию* всех без исключения отношений буржуазного общества, понимание которой становится методологическим ориентиром и «...»рациональной основой для понимания всех фактов" капиталистической системы производства, в том числе для рационального объяснения заблуждений» [7, с. 140]. Так просто и одновременно глубоко верно излагает Г. В. Старк взгляды Маркса на один из самых сложных и запутанных вопросов, ставя *эпистемологический* аспект его решения в прямую зависимость от его *онтологического* решения.

Принципиальное отличие и заслуга позиции Г. В. Старк состоят, следовательно, в том, что она, в отличие от других авторов, застрявших на такой вполне *частной* функции категории «форма превращённая», как анализ и рациональное объяснение ложных форм сознания, хотя и связывает введение данной категории в теоретический каркас экономической науки с необходимостью объяснения и преодоления вульгарно-экономических взглядов, хотя тоже и видит в ней «средство для снятия заблуждений», тем не менее, рассматривает саму эту функцию как *производную* и вытекающую из её *главной и основной функции*, состоящей в том, что категория формы превращённой является в первую очередь средством познания и разрешения *объективного противоречия самой экономической реальности* – противоречия «между видимым движением системы и её действительным движением». Благодаря чему, кстати, данная категория только и может быть также и *познавательным средством* для снятия иллюзий и заблуждений.

Иначе говоря, важнейшее отличие позиции Старк состоит в том, что она, в отличие от растиражированной *модной* версии Мамардашвили²³, не сводит всеобщую сущность формы превращённой к таким *частным и особым* её чертам и параметрам, как *бытийственность* (квазисубстанциальность, обособленность существования) и *извращённость* (превратность, иррациональность), усматривая сущность формы превращённой не столько в самой по себе *извращённости, иррациональности* и *мнимой субстанциальности* (ибо всё это – лишь *следствия* её всеобщей сущности), сколько в её *производности* от другой, предшествующей ей формы, которая является исторически и генетически *исходной* формой.

В связи с обозначившейся в ходе нашего анализа принципиальной противоположностью рассмотренных позиций вспоминается удивительно тонкое и справедливое замечание Николая Гартмана, касающееся одной из вечных философских проблем: «И разве не верно, - пишет он, - что понятию категории сегодня всё ещё свойственна та же самая двусмысленность, которая в своё время привела к постановке вопроса об универсалиях? Являются ли категории способами человеческого

превращённой формы – *моя* превращённая форма» (какой бы квазисамостоятельной она ни выступала на поверхности явлений). Однако, такую зависимость не следует понимать исключительно как *линейную зависимость*. В этом отношении весьма показательным является разъяснение, данное в 1885 г. Энгельсом в Предисловии ко II-му тому «Капитала» о раздвоении и распадении единой исходной формы прибавочной стоимости на обособленно существующие формы, которые начинают жить по своим специфическим (особенным) законам: «Напротив, у Маркса прибавочная стоимость есть *всеобщая форма* той суммы стоимости, которую без всякого эквивалента присваивают собственники средств производства и которая по совершенно *особым законам*, впервые открытым Марксом, распадается на *особые, превращённые формы прибыли и земельной ренты* (курсив наш – Т.Р.) [8, с. 14-15].

²³ Да простят нас многочисленные поклонники Мераба Константиновича Мамардашвили!

мышления или же основными чертами предметов, существующими независимо от всякого мышления, – таков и сегодня основной онтологический вопрос учения о категориях» [9, с. 67].

И в самом деле, демистификация категории *формы превращённой* в головах философствующих субъектов сегодня напрямую зависит от того, *как* они для себя отвечают на вопрос: суть ли форма превращённая *категория бытия*, универсальная форма развития человеческой истории или она – лишь *способ (категория) мышления*?²⁴ Правда, с одной поправкой, состоящей в том, что сегодня центр тяжести этого вопроса оказывается перенесённым из плоскости внешнего отношения, фиксирующего определённую *направленность зависимости* между формами бытия и формами мышления, в плоскость рассмотрения *внутреннего членения содержания* категории формы превращённой, в плоскость выяснения того, *какое именно* из её противоположных свойств, в равной мере принадлежащих ей, выражает её *всеобщую сущность* и потому является *первичным* (т.е. обуславливающим все остальные свойства), а какое – этой сущности непосредственно *не выражает*, являясь *несущественным* и потому *вторичным*, а именно: **а)** свойство, фиксирующее *генетическую связь* различных ступеней зрелости и форм бытия предмета, позволяющее понимать их как порождения единой субстанции и, соответственно, как моменты единого целого, или **б)** свойство, скрывающее и искажающее эту внутреннюю связь родства и представляющее её как *разрыв*, находящий своё выражение в *квазипредметности* и *квазисубстанциальности*.

Положительный ответ на первую часть вопроса сразу же высвечивает в категории формы превращённой её *онтологическую сущность*, обосновывая её как средство познания *отношений самой действительности*, в том числе – и иррациональных, в то время как противоположный ответ, ставя акцент на *разрыве* и *квазисубстанциальности*, по большому счёту делает невозможным даже объяснение иллюзий и заблуждений (не говоря уже об отношениях самой действительности) именно в силу их видимостной оторванности от их действительной субстанциальной основы, прослеживание запутанной цепи превращений которой только и могло бы быть их рациональным объяснением.

Как видим, на примере толкования предметного содержания категории формы превращённой с полным основанием можно утверждать, что *двусмысленность всё ещё свойственна понятию категории* и что для её устранения отнюдь недостаточно простого признания принципа тождества форм мышления и бытия и даже того или иного его монистического решения, если оно даётся в общем виде и носит сугубо декларативный характер. *Признания* принципа тождества мышления и бытия в его общем виде оказывается явно недостаточно потому, что в конкретном исследовании суть дела всегда сводится к следующему: поскольку категории – это не пу-

²⁴ Не стоит понимать это наше заявление излишне упрощённо и буквально – как утверждение, что М. Мамардашвили и воспринявшие в последующем его позицию авторы по каким-то принципиальным соображениям не разделяли материалистически толкуемое марксизмом положение о тождестве форм мышления и бытия, задававшее вполне определённое монистическое толкование природы категорий. Небезызвестная работа М. Мамардашвили «Формы и содержание мышления», вышедшая в свет в 1968 году и имевшая подзаголовок «К критике гегелевского учения о формах познания», свидетельствует, что её автор, конечно же, разделял вполне определённое монистическое толкование природы категорий. Однако, одно дело – разделять то или иное положение в его *общей форме* и совсем другое дело – уметь проводить его в каждом отдельном случае, систематически применяя к пониманию каждой конкретной категории. В данном случае – к категории формы превращённой.

стые бессодержательные формы, а, напротив, обладающие *конкретным* и потому многообразно расчленённым внутри себя содержанием, постольку при анализе решительно каждой категории всякий раз встаёт задача нахождения в *самом её категориальном содержании* того, что в нём *первично*, а что – *вторично*; – словом, встаёт задача вычленения тех из её многообразных содержательных определённостей, которым она собственно и обязана своим статусом «*объективной мыслительной формы*»²⁵ (К. Маркс).

Иначе говоря, *двузначность* в толковании природы категорий не устраняется *фактом признания*, что бытие и его формы существуют независимо от нашего мышления. Принципиальная *двузначность* всегда сохраняется до тех пор, пока отношение «первичности – вторичности» понимается как формула исключительно *внешней зависимости* между формами бытия и формами мышления, пока линия «первичности – вторичности» не проводится *внутри содержания* каждой категории и не понимается как *внутренняя причинно-следственная зависимость* между качественно различными категориальными свойствами /определённостями. Поэтому устранение только лишь *внешней двузначности* ещё недостаточно для последовательно монистического решения проблемы.

Особенностью современного дискурса, отличающей его от средневекового спора об универсалиях, является то, что *двузначность* в толковании природы категорий, подобно загнанной внутрь болезни, приобрела латентное существование внутри осознанно артикулируемых позиций авторов и состоит ныне в том, что и сегодня сплошь и рядом философы, декларируя принцип тождества мышления и бытия, в то же самое время умудряются не видеть и не замечать именно тех определённостей в содержании конкретных *форм мышления* (категорий), которые раскрывают и обосновывают их в качестве *форм бытия*. Судьба категории *форма превращённая*, содержание которой долгое время было окутано не только покровом загадочности, но и плотной завесой *двузначности*, является тому ярким подтверждением.

Так вот, заслуга Г. В. Старк, как нам представляется, состоит в том, что она *лишила двузначности* понимание одной из важнейших философских категорий, вытеснив на периферию её содержания частные и несущественные свойства формы превращённой и перенеся центр тяжести на свойство, выражающее её действительную сущность, которая, на наш взгляд, может быть определена следующим образом: *быть формой превращённой* – значит *быть формой производной*, значит *быть результатом и следствием сложной цепи метаморфоз развития исходного основания целостной системы общественных связей и отношений*. Всё остальное, что сверх этого есть в форме превращённой, это – уже нечто *вторичное*, обусловленное её основным сущностным свойством. И хотя сама Г. В. Старк прямо об этом нигде не пишет и проблеме формы превращённой в её работе посвящены всего полторы странички, тем не менее, именно такое понимание имплицитно содержится в осуществлённом ею анализе. Является ли такая трактовка взглядов К. Маркса на существо проблемы аутентичной – убедиться в этом легко. Для этого

²⁵ Как известно, Маркс в решении любых проблем всегда придерживался последовательно монистической позиции, рассматривая категории политической экономии как *категории экономической реальности* – как экономические отношения, приобретшие статус общественно-значимых форм: «Такого рода формы, – пишет он, – как раз и образуют категории буржуазной экономики. Это – общественно-значимые, следовательно объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определённого общественного способа производства – товарного производства» [10, с. 86].

читателю достаточно обратиться к «Капиталу» и «Теориям прибавочной стоимости» – они того стоят.

Как бы много ни значили правильно расставленные акценты для понимания существа вопроса, они всё же не снимают необходимости всестороннего и целостного рассмотрения проблемы, без чего её решение рискует остаться незавершённым. Понимая всю условность термина «завершённое», всё же попробуем в дополнение к тем идеям, которые мы развивали на протяжении всей статьи, наметить некоторые вехи дальнейшего исследования проблемы формы превращённой.

Как нам представляется, *центральной линией исследования* формы превращённой должна быть линия её связи с проблемой *субстанции истории*. Уверенность в правильности такого видения существа проблемы даёт нам знаменитое методологическое кредо Маркса, подробно изложенное им в «Экономических рукописях 1857-1861 гг.»²⁶ и предельно лаконично сформулированное затем в «Капитале»: «Размышление над формами человеческой жизни, а, следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается *post festum* [задним числом], т.е. исходит из готовых результатов процесса развития» [10, с. 85].

Это, ставшее классическим, положение Маркса даёт «методологический ключ» к пониманию сущности формы превращённой как *необходимого способа существования истории* вовсе не фигурально, а буквально: ориентируя исследователя на анализ зрелой фазы исторического развития, оно вооружает его пониманием истинной сущности человеческой истории, состоящей, в частности, в том, что если на зрелой стадии историческое развитие осуществляется посредством порождения субстанцией своих особенных форм существования – превращённых форм, то и вся история в целом идёт принципиально таким же путём. Взгляды Маркса в «Капитале» и «Теориях прибавочной стоимости» на форму превращённую как на *способ, каким общие законы развития находят своё осуществление в особенных формах* [См.: 5, с. 471-568], не оставляют на этот счёт никаких сомнений.

И в самом деле, с точки зрения логики, решительно никакой разницы между законами функционирования развитой общественной системы, достигшей зрелой фазы своего существования – фазы «практической истинности», которую под экономическим углом зрения исследовал Маркс, и общими закономерностями развития человеческой истории в целом, – никакой разницы между этими двумя процессами *в плане логики* нет и быть не может. Ибо там, где есть развитие, там действуют *одни и те же* его законы – *законы развития*. А поэтому в обоих случаях мы сталкиваемся принципиально с одной и той же проблемой – проблемой *единства и многообразия форм* существования человеческой истории, проблемой поиска её субстанции с целью обретения самосознания, адекватного логике самой истории и призванного в итоге дать ответ на вопрос: *как вообще возможно развитие в форме человеческой истории?* И потому в обоих случаях научно-теоретическое мышление, пытающееся постигнуть субстанциальное единство исторического многообразия, сталкивается с абсолютно идентичными логическими коллизиями, которые с

²⁶ Речь идёт о положении, согласно которому знание, добытое посредством анализа зрелой фазы бытия предмета, способно давать *ключ* к научному пониманию его сущности, ибо содержит в себе указания, касающиеся истины всей его предшествующей истории, включая генезис, потому, что категории, выражающие отношения и структуру развитого предмета, «вместе с тем дают возможность заглянуть в структуру и отношения всех... погибших и исчезнувших форм...» [11, с. 43].

помощью одной только категории *субстанции* разрешить принципиально невозможно.

Поэтому если попытаться сжато сформулировать методологическое значение категории формы превращённой в его общем виде, то это будет выглядеть примерно так: будучи логическим завершением идеи субстанции, являясь одним из средств обоснования *субстанциального единства* истории, она одновременно служит средством обоснования *исторического многообразия*, объясняя механизм появления *новых форм*, которых раньше не было.

Важность такого понимания, помимо прочего, состоит в том, что оно вплотную подводит философскую мысль к выводу, всё значение которого в полной мере ещё предстоит оценить в будущем, а именно: что *форма превращённая есть всеобщий и необходимый способ осуществления исторического развития*. Но уже сегодня совершенно очевидно, что круг проблем, к решению которых применима эта категория, отнюдь не исчерпывается задачами объяснения сумеречного сознания с его химерами, неважно какого толка и происхождения, – будь то объективно-фетишистские иллюзии и заблуждения, стихийно складывающиеся в головах социальных агентов, или идеологические мистификации, осознанно вырабатываемые специалистами-апологетами.

Круг проблем, к решению которых применима эта категория, значительно шире и тех задач конкретно-научного исследования, которые стояли перед Марксом. Дело в том, что осуществлённое Марксом разрешение «противоречия между видимым и действительным движением системы» включает в себе не только понимание закономерностей развития экономических форм буржуазного общества, позволяющее преодолевать «скотскую глупость вульгарной политической экономии» [5, с. 523], но и содержит *общеметодологический ориентир* для поиска ответа на фундаментальный вопрос философии, о чём мы говорили чуть выше, – «*как вообще возможно развитие в форме человеческой истории?*», поскольку даёт возможность объяснить, откуда и как возникают *новые формы* бытия предмета, которых раньше не было.

Поэтому, оценивая значение введённой Марксом в оборот научной мысли категории «форма превращённая», этой малой толики из всего того, что было им сделано, следует сразу отмести прочь все «...мещанские требования людей, измеряющих значение научного дела количеством изданных страниц и внешней законченностью изложения» хотя бы потому, что эта малая толика, будучи положена на «весы науки», способна перевесить тонны исписанной бумаги в тиснёных переплётах. Как тут снова не вспомнить М. Лифшица, мудро заметившего по поводу *значимого в науке* следующее: «Сократ не написал ни одной книги, но тень его прошла через века. Отсюда вовсе не следует, что лучший писатель тот, кто вовсе ничего не пишет. Отсюда следует только, что в науке больше всего весит сама мысль, найденная в объективном развитии предмета, подсказанная им и открытая органом мысли, соразмерным его задаче» [1, с. 198-199]. Так вот, *форма превращённая* – это и есть *объективная мыслительная форма* или – *мысль*, найденная Марксом в объективном развитии предмета, подсказанная самим предметом, всем ходом его исторического развития, которая была буквально *экстрагирована* Марксом из отношений самой действительности и только потому стала также и действенным средством познания – *категорией мышления о бытии предмета*. Вот уж воистину будет сказано: «Не от бедности мысли, но от богатства её подлежат «восстановлению» идеи значительных мыслителей прошлого...».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лифшиц М. Человек тридцатых годов / М. Лифшиц // В мире эстетики. – М.: Изобразительное искусство, 1985. – С. 189-313.
2. Мамардашвили М. Форма превращённая / М. Мамардашвили // Философская энциклопедия / Ин-т философии АН СССР; гл. ред. Ф. В. Константинов. – М., 1970. – Т.5: Сигнальные системы – Яшты. – С. 386-389.
3. Мамардашвили М. Формы и содержание мышления / М. Мамардашвили. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 288 с.
4. Режабек, Е. Я. В поисках рациональности: (ст. разных лет) / Е. Я. Режабек. – М.: Академический проект, 2007. – 383 с.
5. Маркс К. Теории прибавочной стоимости / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1964. – Т. 26, ч. III. – 674 с.
6. Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. – Москва; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. – 654 с.
7. Старк Г. В. Социологический анализ познавательного процесса в «Теориях прибавочной стоимости» Карла Маркса / Г. В. Старк. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1976. – 152 с.
8. Энгельс Ф. Предисловие ко II-му тому «Капитала» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 24. – С. 3-24.
9. Гартман Н. К основоположению онтологии / Н. Гартман; пер. с нем. Ю. В. Медведева. – Санкт-Петербург: «Наука», 2003. – 639 с.
10. Маркс К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 23. – 907 с.
11. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2-х ч. Ч. 1 / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1980. – XXVI, 564 с.

T. E. Ragozina

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

e-mail: tatyana.ragozina@list.ru

TRANSFORMED FORM AS UNIVERSAL CATEGORY IN DIALECTICS

Annotation. *The article attempts to reveal authentic Marx's interpretation of the category 'transformed form'. Transformed forms are given ground as socially organized global forms within which historical activity of people takes place. This enables to put salvation of epistemological problem of possibility of true knowledge in straight correlation with salvation of fundamental ontological problem of how development in the form of human history is possible. Due to this there is given comparative analysis of existing approaches to salvation of the problem of transformed form, as well as a retrospective analysis of its genealogy in the history of philosophic thought.*

Key words: *history, development, substance, transformed form-initial form, form of thinking – form of being, illusions, delusions.*

Поступила в редакцию 19 декабря 2017 г.